

Перстни, характерные для средневекового населения Пермского Предуралья

Моряхина Кристина Викторовна

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет. Россия, г. Пермь.
ORCID: 0000-0002-7879-6526. E-mail: kmoryaxina@mail.ru

Аннотация. Перстни, обнаруженные на средневековых памятниках Пермского Предуралья, можно разделить на две большие группы: представленные в большом количестве и встречающиеся в единичных экземплярах. Первую группу перстней можно разделить на три категории: этномаркеры (перстни с пуговкообразным и ромбическим щитком, перстни-«колпачки»), распространенные в силу моды (перстни «салтовского» типа, спиралевидные) и появившиеся под влиянием соседних территорий (кованые перстни с овальным щитком). Они составляют 59,7 % от общей массы перстней V–XV вв. Популярность того или иного варианта изделий отражают общие тенденции в развитии местного бронзолитейного и ювелирного дела, а также этнокультурные контакты населения Пермского Предуралья. Для VIII–X вв. были характерны цельнолитые перстни, изготовленные путем литья по восковой модели. В X–XI вв. основная масса находок перстней представлена серебряными перстнями-«колпачками», в XIII в. Начали активно изготавливать кованые серебряные перстни с выгравированным орнаментом. Последние пользовались популярностью не только у населения Пермского Предуралья, но и на соседних территориях, куда, вероятно, попадали в результате импорта. Складывание местного ювелирного центра, освоение местными мастерами техник зерни, чеканки, гравировки происходило под влиянием Волжской Булгарии. В Средневековье периодически возникала мода на определенные варианты перстней. Мода на перстни со вставкой пошла из салтово-маяцкой культуры, где было высоко развито ювелирное искусство, и охватила территорию от Восточной Европы до Западной Сибири. Пермское Предуралье она не обошла стороной. В X–XIV вв. популярными на финно-угорской территории и Древней Руси стали спиралевидные перстни. Судя по всему, мода пошла от финно-угорских народов Ветлужско-Вятского междуречья.

Ключевые слова: перстни, Средневековье, Пермское Предуралье, техника изготовления, мода, этномаркеры.

При изучении отдельной категории украшений можно заметить, что те или иные варианты получили большее распространение у определенного населения. Это может быть обусловлено разными факторами: предметы отражают этническую принадлежность его обладателя, предметы получили распространение в силу моды или под влиянием соседних территорий.

Для эпохи Средневековья понятие «мода» чаще применяется по отношению к отдельным элементам костюма, как правило, к украшениям. Модой принято обозначать существующее в определенный период и общепризнанное отношение к внешним формам культуры. Она возникает спонтанно, отражает какие-то инновации и может быть вызвана разными факторами. Как считают теоретики моды, в Средневековье мода была характерна для элиты [11, с. 191–192].

Ю. М. Лесман отмечал, что в конкретный период времени было популярным украшать определенные части тела. Он это связывал с желанием женщин привлечь к себе мужское внимание. Ю. М. Лесман, изучив женский новгородский костюм, пришел к выводу, что, например, украшения рук стали играть ведущую роль в костюме с конца XI в. Особенно массовыми они стали в Новгороде в середине XIII в. [25, с. 4].

Одним из элементов костюма средневекового населения Пермского Предуралья наряду с другими украшениями являлись перстни. В исследовании, посвященном прикамскому костюму VII–XI вв., Н. Б. Крыласова выделила 15 типов комплексов, из них для трех женских и

одного мужского характерно наличие перстней [21, табл. 11]. Они встречаются реже, чем шейно-нагрудные украшения или поясная гарнитура, но при этом являются ценным источником для изучения местного ювелирного дела и этнокультурных контактов средневекового населения Пермского Предуралья. Определенные категории перстней получали распространение на широкой территории под влиянием моды, какие-то изделия попадали в результате торговли. Перстни, которые можно отнести к местному производству, отражают эволюцию применяемых техник, влияние соседних территорий на развитие ремесла.

На территории Пермского Предуралья было найдено более 300 перстней (автором было обработано 318), относящихся к VII–XIV вв. В классификации К. В. Моряхиной было выделено 64 варианта изделий [29, с. 101]. Ряд украшений получили широкое распространение, некоторые же встречаются в единичных экземплярах. Первые можно назвать характерными перстнями для населения Пермского Предуралья. Автором статьи к таковым были отнесены 13 вариантов перстней из 64. Всего 190 перстней, что составляет 59,7 % от общего количества.

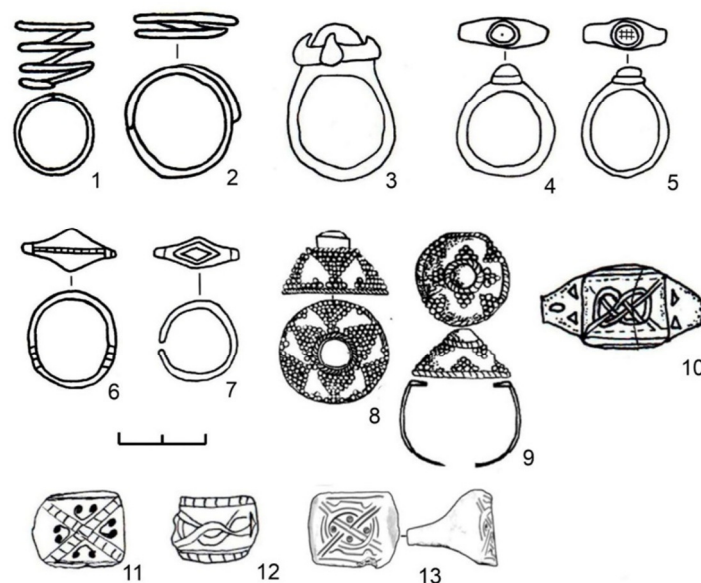

Рис. 1. Перстни, характерные для средневекового населения Пермского Предуралья
1 – Саламатовское I гор. (ил-ции по Н. Б. Крыласовой); 2, 10 – м-к Телячий Брод,
3 – Плесинский м-к; 4–5 – Баяновский м-к; 6 – сел. Запоселье; 7 – Важгортский м-к; 8–9 – Огурдинский м-к
(ил-ции по Н. Б. Крыласовой); 11–13 – Плотниковский м-к (13 – ил-ции по Н. Г. Брюховой)

Отдел А. Бесщитковые (28 экз.).

Тип 2. Проволочные (28 экз.).

Подтип 1. Спиралевидные (28 экз., рис. 1/1–2).

Изделие выглядит, как уложенная в спираль проволока, в котором могло быть от 1,5 до 7 витков. Перстни изготавливали из бронзы или серебра.

Известны две техники изготовления проволоки – волочение и отливка тонкого прутка. Отлитые проволоки отличаются неравномерной толщиной изделия. Из серебра проволоку волочили через специальные доски. Серебро в отличие от бронзы обладает более высокой пластичностью, поэтому возможно применение другого способа изготовления. По материалам Новгорода известно, что следующим шагом было наматывание на болванку предварительно нагретой проволоки. Таким путем изделию придавалась окончательная форма [40, с. 122].

В Пермском Предуралье такие перстни были обнаружены на Каневском (в погребение X в.), Урынском (в погребение X в.), Аверинском II Рождественском (в погребение XI в.), Телячий Брод, Антыбарском, Плотниковском могильниках, на Рождественском, Анюшкар (Кыласовском), Рачевского, Саламатовском I городищах.

Спиралевидные перстни известны также по материалам полумской культуры на Варнинском могильнике VIII–X вв. [41, табл. II/37], Юмского могильника IX–XI вв. в Ветлужско-Вятском междуречье [2, с. 35], мордовских могильников [1, табл. II/14, XXIII/10,12], вымской культуры кон. X–XIV вв. [37, с. 128; 18, рис. 1/12], Буйского городища в Кировской обл. [8,

рис. 157/2], Сарского городища в Волго-Окском междуречье [12, рис. 39/8], раннего Изборска [39, с. 97], Белозерья в X–XII вв. (большинство из них относится к XI в.) [42, рис. 4/8], Новгорода XI–XIII вв. [40, с. 122], памятников эстов и латышей [43, табл. III/16, табл. CVII/7].

М. В. Седова обращала внимание на то, что спиралевидные перстни пользовались популярностью от Прибалтики до Предуралья. По новгородским материалам можно отметить эволюцию развития этих перстней: ранние варианты (XI – нач. XII в.) изготовлены из прямоугольной проволоки, спирали которой плотно уложены к друг другу, поздние (XIII в.) отличаются формой проволоки – округлого сечения, а витки уложены свободно [40, с. 125]. В Пермском Предуралье спиралевидные перстни начали носить еще в X в. У финно-угорских народов такие украшения получили распространение раньше, чем у славянских племен, и бытовали до XIV в. Ранние находки перстней (X–XI вв., 16 экземпляров), обнаруженные в Пермском Предуралье, изготавливали как из бронзовой литой проволоки прямоугольного сечения, так и из серебряной проволоки округлого сечения, полученной путем волочения. Поздние находки (XIII в., 12 экземпляров) представлены только серебряными изделиями.

Спиралевидные перстни, найденные в разных культурах финно-угорского мира, отличаются составом металла, из которого они были изготовлены. На территории Удмуртского и Пермского (14 изделий, соответственно 50 %) Предуралья, на мордовских памятниках, на памятниках в Волго-Окском междуречье встречаются бронзовые спиралевидные перстни [41, табл. II/37; 12, рис. 39/8; 1, табл. II/14, XXIII/10,12]. В Северном (вымская культура) [37, рис. 34/24] и Пермском Предуралье (14 изделий, соответственно 50 %) известны находки серебряных перстней. Изготовление простых по технике и форме украшений из драгоценного металла в Предуралье могло быть обусловлено недостаточным количеством серебра на этой территории в сравнении с другими.

Отдел Б. Щитковые (162 экз.).

Тип 1. Литые (87 экз.).

Подтип 1. Со вставкой (37 экз., рис. 1/3).

В научной литературе такие изделия встречаются под названием перстни «салтовского» типа, поскольку изначально они были распространены на территории салтово-маяцкой культуры [16, с. 28].

Перстни являются цельнолитыми, изготавливали их в неразъемных формах по восковой модели. Украшения, найденные в Пермском Предуралье, были сделаны из бронзы или низкопробного серебра. Вставка из сердолика, стекла или бусины вставлялась между четырьмя захватами на щитке и дополнительно крепилась мастикой.

Вставки-бусины не типичны для таких перстней и, насколько нам известно, такие экземпляры были обнаружены только в Пермском Предуралье на Баяновском могильнике кон. IX–X вв. Из пяти экземпляров наиболее интересны две бусины. Одна из них явно имеет импортное происхождение – черная стеклянная бусина с красно-бело-желтым глазиком, характерная для Кавказа VI–X вв. Вторая – желтая бусина со следами носки в составе ожерелья. Вероятно, ее вставили в перстень после того, как была утеряна первоначальная вставка из сердолика или серебра. На этом же могильнике был обнаружен перстень, на вставке которого имелась надпись на арабской вязи «Нет Бога, кроме Аллаха». Скорее всего, такой перстень был привезен из Волжской Булгарии, где они тоже получили широкое распространение.

Перстни могли иметь дополнительный декор в виде насечек по бокам на шинке или на основании щитка вокруг вставки. Захваты на щитке в виде четырех лапок имели разные размеры и форму: на каких-то перстнях они более четко выраженные, на каких-то совсем небольшие и даже не позволяли удерживать вставку.

В Пермском Предуралье «салтовские» перстни известны по материалам Рождественского (ранние слои IX–X вв.) и Лаврятского городищ, Баяновского, Деменковского (в поздней части), Аверинского II (погребения VIII–X вв.), Плесинского (погребения VIII–X вв.), Щукинского могильников.

Находки перстней «салтовского типа» широко известны, они встречаются на памятниках от Верхней Камы до Кавказа и от Зауралья до Венгрии, что неоднократно уже отмечали исследователи [19, с. 192]. Изначально такие перстни появились на территории салтово-маяцкой культуры, где были характерны для памятников VIII – нач. IX в. [33, рис. 19], и в последующем в результате торговли и этнокультурного влияния распространились в других культурах. Перстни «салтовского типа» встречаются у аланов, например, на Тарском могильнике VIII–IX вв. [20,

табл. XII–XXX], в мордовских могильниках VIII – втор. пол. IX вв. (Лядинский, Окский) [1, табл. XXX/4], в марийских могильниках IX–XI вв. (Веселовский, Кочергинский) [2, с. 35], на раннебулгарских могильниках (Танкеевский, Немчамский) [19, рис. 13/53], на неволинских могильниках (Бродовский, Неволинский) [10], в Удмуртском Предуралье на могильниках Мыдланьшай, Варнинском, Качкушарском I и на городище Индакар в слое кон. IX – нач. XI в. [7, табл. II; 41, табл. II/43–46; 14, рис. 5/16; 17, рис. 27/26], в курганах Южного Урала IX–X вв. (Лагереvский, Бекешевский, Старо-Халиловский) [26, рис. 38/7], у венгров в X в. [45, abb. 11/1], в Прииртыше в материалах VIII–IX вв. [43, табл. LXXVIII/7], в Белозерье в кон. IX – сер. X в. на поселении Крутик [42, рис. 8/4], на древнерусских памятниках VIII–X вв. На территории Древней Руси наибольшее их количество обнаружено на территории Ярославского Поволжья в погребениях (чаще женских) славянского, скандинавского и финского населения. Их распространение судя по всему было связано с торговыми операциями по Волжскому пути [44, с. 222].

Несмотря на то, что изначальным центром изготовления перстней была территория салтово-маяцкой культуры, в дальнейшем их изготавливали и на других территориях в подражание импортным. Анализируя опубликованные материалы с разных территорий, можно выделить своеобразные детали, характерные для перстней с разных мест. На родине этих перстней их делали из низкопробного серебра или бронзы, в качестве вставки использовали красное стекло или сердолик. На некоторых перстнях на стеклянной вставке вырезано изображение птички. Размер щитка не был одинаковым, встречаются как с маленьким, так и массивным. Боковые грани шинки могли иметь рельефный декор [17, с. 28; 32, с. 115]. На перстнях, обнаруженных в огузских погребениях и на могильнике Мыдлань-Шай, также имеется на вставке орнамент в виде птицы или какого-то значка. На территории Пермского Предуралья перстни с подобным изображением на вставке не встречаются. Вставка в перстнях из могильника Мыдлань-Шая была из зеленого, синего, фиолетового, голубого или желтого стекла или сердолика [7, с. 42]. В перстнях, найденных на марийских памятниках, вставки были из светло-фиолетового стекла, пасты коричневого цвета, янтаря или медных бусин [2; 35]. На венгерских перстнях на боковых гранях шинки нанесен геометрический орнамент [45, abb. 11/1]. Перстни, обнаруженные на территории Древней Руси, в большинстве случаев имели надписи на арабском языке «Благодать от Аллаха», «во имя Аллаха», «Нет помощи мне, кроме как в уповании на Аллаха» и т. п., что соответственно указывает на их импортное происхождение [44].

А. Г. Иванов считает, что большая часть перстней со вставками, обнаруженных в Удмуртском Предуралье, являются импортными из салтово-маяцкой культуры [15, с. 113–114]. Мы согласны, что доля перстней относится к импортным изделиям, но часть из них была изготовлена на местах в подражание распространившейся моде. На это указывает, во-первых, датировка. В салтово-маяцкой культуре перстни со вставкой вышли из «моды» в начале IX в., в то время как в Волго-Камье и на территории Древней Руси основная масса находок датируется IX–X вв. Во-вторых, подтверждением являются вышеуказанные особенности (разный материал, используемый в качестве вставки). Ввиду разнообразия оформления перстней «салтовского» типа сложно четко разделить, какие перстни относятся к импорту, а какие были изготовлены на местах. Скорее всего, на территории Пермского Предуралья местными мастерами были изготовлены бронзовые перстни с синей стеклянной вставкой.

На территории Пермского Предуралья перстни со вставкой характерны для памятников VIII–X вв., основная масса находок приходится на X в.

Подтип 2. С пуговкообразным щитком (31 экз., рис. 4–5).

Перстни изготавливали из бронзы путем литья по выплавляемой модели. На некоторых экземплярах сохранились следы литниковых швов, которые не были заполированы мастерами после изъятия изделия из формы.

Вариант а: неорнаментированные (18 экз.).

В Пермском Предуралье такие перстни найдены на Запосельском селище, Баяновском, Каневском, на Аверинском II, Деменковском, Степаново Плотбище могильниках.

Вариант б: с насечками (13 экз.).

Орнамент литой. На щиток нанесен узор в виде креста или решетки, на боковых гранях от щитка имеются насечки.

Такой вариант изделий известен по материалам могильников Деменковского, Каневского, Аверинского II, Баяновского, Плесинского.

Такие же перстни обнаружены в полоумской культуре во второй пол. VIII – первой пол. IX вв. на Варнинском могильнике [41, табл. II/40], на Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте на Северном Урале [31, рис. 1/27], в Белозерье [42, рис. 6/5].

Такие перстни найдены в погребениях VIII–X вв.

Подтип 3. С вытянутым ромбическим щитком (19 экз., рис. 1/6–7).

Перстни изготавливали из бронзы путем литья по выплавляемой модели. После изъятия из формы орнамент дополнительно не прорабатывался.

Вариант а: неорнаментированные (5 экз.).

Перстни найдены на Деменковском, Важгортском, Степаново Плотбище, Каневском могильниках.

Вариант б: с рубчатой линией по центру (8 экз.).

Данный вариант перстней отличается наличием рубчатого валика, расположенного по центру щитка. На некоторых перстнях дужка дополнительно украшена насечками.

Перстни обнаружены на Запосельском селище, Каневском, Баяновском, Аверинском II, Степаново Плотбище могильниках.

Вариант в: с ромбом внутри (6 экз.).

Щиток украшен выступающим ромбом, расположенным по центру. Так же, как и перстней варианта б, на шинке могли быть насечки.

Подобное оформление щитка известно на перстнях из Каневского, Важгортского могильников.

Перстням с ромбовидным щитком также встречаются в соседней неволинской культуре, где датируются концом VIII – нач. IX вв. [9, табл. 45/10], в мордовских могильниках [1, табл. XIV/14].

На территории Пермского Предуралья такие перстни датируются концом VIII–X вв.

Тип 2. Многоконструктивные (61 экз.).

К этому типу отнесены перстни, у которых конструктивные части и детали декора изготавливались по отдельности и потом соединялись.

Подтип 2. Со щитком в виде полусферы (61 экз., рис. 1/8–9).

В научной литературе такие перстни принято обозначать как перстни-«колпачки», что обусловлено их формой в виде полусферы.

Полусфера изготавливалась путем дифовки тонкого серебряного листа металла, после чего она припаивалась к медной пластине. Основа щитка, которая при носке визуально была незаметна, делалась из медного сплава, вероятно, с целью сэкономить драгоценный металл. Декор изготавливался отдельно. Он представлен треугольниками зерни, состоящими из 6–15 зерен, и торсированной проволокой. Судя по всему, местными мастерами еще не была освоена техника скани, и она была заменена на более легкую – торсирование. Из треугольников зерни на щитке укладывался основной декор, торсированная проволока прикрывала место припоя, которым соединялись полусфера и основа щитка, а также обрамляла вставку на вершине щитка (в некоторых случаях просто использовали тонкую серебряную пластину). Вставка была из синего или красного стекла, реже из сердолика.

Шинка изготавливалась отдельно. Из серебра или меди отливался стержень, концы которого проковывались, чтобы потом было удобнее их припаять к основе щитка. Медные дужки плохо сохраняются в культурном слое.

Перстни-«колпачки» датируются X–XI вв. и среди них можно выделить ранний и поздний варианты. К раннему варианту (X в., 45 экз.) отнесены перстни с декором из треугольников с 6–10 зернами и серебряной дужкой. Они были найдены на Огурдинском, Баяновском, Степаново Плотбище, Рождественском могильниках. Поздние варианты (кон. X–XI вв., 16 экз.) известны по материалам Рождественского, Агафоновского II, Телячий Брод, Огурдинского могильников. Они отличаются более массивным щитком и имеют дужку из меди. Количество зерен в пирамидке возрастает до 15. На некоторых изделиях пространство между декоративными элементами дополнительно покрывалась позолотой [22, с. 104–115; 28, с. 165].

Подобные изделия известны в Белозерье [13, с. 176–177], на Вычегде и в Приобье [4, с. 369]. На наш взгляд, они попали туда из Пермского Предуралья.

Появление таких перстней в Пермском Предуралье можно связать с венгерским влиянием. В X–XI вв. на памятниках в Моравии, Преднепровье и на Карпатах известны находки перстней с полусферическим щитком. Техника изготовления таких украшений схожа с пермскими, но их оформление отличается, так, например, на венгерских в основе щитка имеется цилиндрическая подставка [36, с. 143–149]. На территории Волжской Булгарии тоже встречаются перстни-«колпачки», но техника изготовления иная, чем у пермских [35, с. 150].

Тип 3. Кованые (14 экз.).

Подтип 2. С овальным щитком (14 экз.).

На перстнях этого типа по верхнему и нижнему краю щитка имеется бордюр в виде рубчатой ленточки. На боковые грани дужки нанесен узор в виде треугольников.

Вариант г: с орнаментом в виде плетенки (3 экз., рис. 1/10).

По центру щиток украшен двумя пересекающимися волнистыми линиями.

Известны две техники изготовления таких перстней. Перстни из серебра были кованые, из бронзы сначала отливались, а потом дополнительно проковывались. Эти различия могли быть связаны с разными свойствами металла, как известно, серебро более пластичный материал. Вне зависимости от того, как изготавливалась основа перстня, орнамент наносился гравировкой, выполненной линейным и зигзагообразным шагом. На двух перстнях фон был дополнительно покрыт золочением.

Перстни были найдены на могильниках Телячий Брод и Плотниковский.

Аналогии таким перстням известны на памятниках бассейна р. Тобол (Адамов) и на Жигановском могильнике (вторая пол. XII в.) вымской культуры [38, с. 85]. Стоит отметить, что орнамент в виде плетенки был характерен для новгородских перстней XII–XIII вв. [40, рис. 51].

Вариант д: с двумя пересекающимися рубчатыми линиями (3 экз., рис. 1/11).

Основной орнамент представлен двумя пересекающимися рубчатыми линиями. В свободном пространстве изображены четыре завитка.

Перстни были выкованы из серебряной пластины, орнамент выполнен гравировкой. На заключительном этапе изготовления на перстни нанесены золочение и чернение.

Перстни известны по материалам Плотниковского могильника.

Такие же перстни обнаружены в бассейне р. Тобол (Адамов) и на Жигановском могильнике (датируются XIII в.) вымской культуры [38, рис. 142/6]. Похожий декор на перстнях XIII–XIV вв. известен по материалам Новгорода [40, рис. 51].

Вариант е: с орнаментом в виде двух переплетенных нитей (4 экз., рис. 1/12).

Основная композиция оформления щитка представлена двумя пересекающимися волнистыми линиями, напоминающими шнурок.

Техника изготовления такая же, как перстней варианта д.

Перстни найдены на Плотниковском могильнике.

Вариант ж: с косым крестом, пересекающим круг (4 экз., рис. 1/13).

Основное изображение на щитке – круг, который пересекается косым крестом. Перстни могли быть изготовлены из серебра или оловянистого сплава.

Перстни происходят из Плотниковского могильника, близкий по оформлению к этому варианту найден на Саламатовском I городище.

Аналогии известны по Ликинскому могильнику, расположенному в Зауралье [6, рис. 45/е].

Перстни варианта Б32г–ж датируются XIII в.

Стоит обратить внимание на половозрастные данные индивидов, в погребениях которых обнаружены характерные для Пермского Предуралья перстни. Украшения были обнаружены в женских и мужских захоронениях. По материалам Баяновского могильника известны находки перстней «салтовского» типа в детских погребениях [27, с. 42], серебряные кованые перстни найдены в двух подростковых захоронениях на Плотниковском могильнике (п. 24, 115) [24, табл. 2]. Перстни-«колпачки», судя по имеющимся данным, носило только взрослое население. Это могло быть связано с тем, что ношение такого перстня отражало определенный статус его обладателя [29, с. 244]. К тому же сами изделия массивные и их невозможно подогнать под детский размер пальца.

Рассмотренные выше перстни можно разделить на три категории:

1) этномаркирующие (перстни с пуговкообразным и ромбическим щитком, перстни-«колпачки»).

Перстни с пуговкообразным и ромбическим щитком характерны были не только для населения ломоватовской культуры, но и для соседних неволинской и поломской. Изделия были отлиты из сплава на основе меди по восковой модели. Их форма и орнамент весьма простые. Примечательно, что широкое распространение устойчивых типов перстней приходится на конец VIII–X вв. (в более раннее время перстни встречаются редко и варианты представлены единичными экземплярами), когда увеличивается набор элементов костюма, и они становятся более разнообразными. В это время активнее развивается местное бронзолитейное производство, что отчасти связано с расширением этнокультурных контактов, установлением связей со степными культурами [16, с. 116].

Перстни-«колпачки», распространившиеся в X–XI вв., созданы в более сложной технике из «чистого» серебра (Ag – 95–100 %). При изготовлении изделий использовали технику зерни и торсированной проволоки. Освоение новых приемов в ювелирном деле средневековым населением Пермского Предуралья было связано с влиянием болгарской ремесленной школы. Также за счет торговли при посредничестве Волжской Булгарии в это время на территорию Пермского Предуралья в большом количестве поступало серебро с Ближнего Востока, что позволило местному населению в большом количестве изготавливать украшения из серебра. Появление перстней-«колпачков» связано с распространением подобных по форме изделий в Восточной и Центральной Европе, в Волжской Булгарии. Несмотря на то, что отмечено влияние извне, перстни-«колпачки» имеют своеобразный декор и являются продуктом местного ювелирного центра. Такие изделия практически не встречаются за пределами Пермского Предуралья.

2) распространенные в силу моды (перстни «салтовского» типа, спиралевидные).

Перстни «салтовского» типа получили распространение от Восточной Европы до Западной Сибири. Изначальным центром их изготовления была территория салтово-маяцкой культуры. По мере того, как украшения входили в моду, наряду с импортными стали изготавливать такие перстни на местах. Техника изготовления таких перстней несложная – литье по восковой модели. Население Пермского Предуралья при помощи такой техники изготавливало подавляющее большинство украшений. Примечательно, что мода на перстни «салтовского» типа сохранилась до X, хотя на самой территории салтово-маяцкой культуры их перестали делать еще в IX в.

Спиралевидные перстни изначально были характерны для финно-угорского населения Урало-Поволжья, отсюда мода распространилась на древнерусское население. Население Пермского Предуралья, вероятно, заимствовало идею их изготовления от населения Ветлужско-Вятского населения, с IX–X вв. как раз устанавливаются довольно тесные этнокультурные контакты между этими территориями [34, с. 158]. Форма и техника изготовления спиралевидных перстней проста, именно это обусловило длительную моду на них – с X по XIV вв.

3) появившиеся под влиянием соседних территорий (кованые перстни с овальным щитком).

Между населением Пермского Предуралья и Волжской Булгарии установились тесные этнокультурные и торговые связи [3, с. 35–43; 15, с. 126]. Булгарские ремесленники проживали на крупнейших городищах Пермского Предуралья. Например, была изучена мастерская болгарского ремесленника на Рождественском городище [23]. Тесные контакты между населением этих территорий сыграли большую роль в развитии местного ремесла, в том числе местные жители перенимали от болгар традиции в ювелирном деле. На территории Пермского Предуралья обнаружены перстни как импортного болгарского происхождения [30, с. 53–55], так и местные изделия, изготовленные в подражание болгарским, но имеющим свою специфику. Специфика техники изготовления местных изделий заключается в нанесении орнамента (сочетаются два вида шага гравировки – линейный и прерывающийся), имеется дополненный рисунок на шинке, одновременно используются чернение и золочение. Булгарские перстни изготовлены более профессионально, чем пермские. На последних орнамент не сильно углублен, линии кривые, что при детальном рассмотрении бросается в глаза. Несмотря на имеющиеся различия, пермские украшения в научной литературе обозначают как перстни «булгарского» типа, ввиду их схожести. Также очевидно влияние болгарских мастеров на пермских. Такие перстни получили распространение после разгрома Волжской Булгарии монголо-татарами в XIII в. Это обстоятельство, вероятно, послужило толчком для создания нового центра изготовления серебряных кованых перстней [5; 30, с. 55–56]. Из Пермского Предуралья такие украшения распространились в вымской культуре в Северном Предуралье и в Зауралье.

Таким образом, распространение устойчивых вариантов перстней отражает этнокультурные контакты населения Пермского Предуралья и эволюцию местного ювелирного и бронзолитейного ремесла. В VIII–X вв. основной техникой изготовления украшений было литье по восковой модели, в производстве использовали сплавы на основе местной меди. Начиная с X в., местные ремесленники начинают осваивать новые техники, что во многом происходит под влиянием Волжской Булгарии. Поначалу начинают активно использовать зернь и торсированную проволоку (ее используют вместо сканой) в качестве декора, со временем начинают применять чеканку и гравировку. За счет торговли при посредничестве Волжской Булгарии появляется значительное количество серебра, что позволяет изготавливать наряду с бронзовыми серебряные украшения. Из 190 перстней 81 был изготовлен из серебра, что составляет 42,6 %.

Список литературы

1. Альбом древностей мордовского народа / под. ред. Ю. В. Готье, А. И. Яковлева. Саранск : Изд-е Мордовского НИИ, 1941. 137 с.
2. *Архипов Г. А.* Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола : Марийское книжное изд-во, 1973. 197 с.
3. *Белавин А. М.* Камский торговый путь: средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь : ПГПУ, 2000. 200 с.
4. *Белавин А. М., Крыласова Н. Б.* Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь : ПФ ИИиА УрО РАН, 2008. 603 с.
5. *Брюхова Н. Г., Подосенова Ю. А.* Перстни «булгарского» типа из материалов Плотниковского могильника родановской археологической культуры: техника изготовления // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17. № 33. С. 304–311.
6. *Викторова В. Д.* Угры в лесах Урала (страницы ранней истории манси). Екатеринбург : ИИиА УрО РАН, 2008. 208 с.
7. *Генинг В. Ф.* Мыдлань-Шай – удмуртский могильник VIII–IX вв. // Вопросы археологии Урала. 1962. Вып. 3. С. 7–132.
8. *Голдина Р. Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск : Удмурт. ун-т, 1999. 464 с.
9. *Голдина Р. Д.* Неволинский могильник VII–IX вв. в Пермском Предуралье // Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 21. Ижевск, 2012. 472 с.
10. *Голдина Р. Д., Водолого Н. В.* Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск : Изд-во ИГУ, 1990. 176 с.
11. *Гопкало О.* К дефиниции понятий "ювелирный стиль" и "мода" на примере черняховских фибул и предметов с выемчатыми эмальями // Краткие сообщения Института археологии. 2019. Вып. 254. С. 191–211.
12. *Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 94. М. : Изд-во АН СССР, 1961. 264 с.
13. *Захаров С. Д. и др.* Крутик и Тимерево: археологические исследования 2011–2015 годов // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 3–4. С. 169–181.
14. *Иванов А. Г.* Качкашурский могильник IX–XIII вв. в бассейне р. Чепцы // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск, 1990. С. 140–180.
15. *Иванов А. Г.* Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII в.). Ижевск : УИИЯиЛ, 1998. 309 с.
16. *Иванов В. А., Крыласова Н. Б.* Взаимодействие леса и степи Урало-Поволжья в эпоху средневековья. Пермь : ПФ ИИиА УрО РАН, 2006. 162 с.
17. *Иванова М. Г.* Древнее удмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск : УИИЯиЛ, 1998. 294 с.
18. *Истомина Т. В.* Комплекс погребения 37 Чепцыгского могильника // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1992. С. 127–135.
19. *Казаков Е. П.* Культура ранней Волжской Болгарии. М. : Наука, 1992. 335 с.
20. *Кантемиров Э. С., Дзаттиаты Р. Г.* Тарский катакомбный могильник VIII–IX вв. н. э. // Аланы: история и культура. Alanica III. Владикавказ, 1995. С. 259–314.
21. *Крыласова Н. Б.* История Прикамского костюма. Пермь : ПГПУ, 2001. 260 с.
22. *Крыласова Н. Б.* Хронологические особенности материальной культуры X–XI вв. (по материалам Рождественского могильника в Пермском крае) // Вестник Пермского университета. 2013. Вып. 1. С. 104–115.
23. *Крыласова Н. Б.* Мастерская булгарского ремесленника-медника на Рождественском городище в Пермском крае // Археология Евразийских степей. 2021. № 3. С. 169–185.
24. *Крыласова Н. Б., Брюхова Н. Г.* Плотниковский могильник. Пермь : ПГПУ, 2017. 222 с.
25. *Лесман Ю. М.* Украшения древних новгородок и древнерусская эротика // Чело. 1996. № 2 (9). С. 3–4.
26. *Мажитов Н. А.* Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М. : Наука, 1981. 164 с.
27. *Моряхина К. В.* Украшения рук в детских (до-взрослых) погребениях Бояновского могильника // Актуальная археология 2. Археология в современном мире: в контакте и контексте. СПб. : ИИМК РАН, 2014. С. 40–43.
28. *Моряхина К. В.* Перстни-«колпачки» с территории Пермского Предуралья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2015. Вып. X. С. 163–167.
29. *Моряхина К. В.* Украшения рук средневекового населения Пермского Предуралья : дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2018. 764 с.
30. *Моряхина К. В., Сарапулов А. Н.* Булгарские перстни с чернью на памятниках Пермского Предуралья // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2017. Вып. VII. С. 52–56.
31. *Мурыгин А. М., Усолкина М. А.* Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место – новые данные (по результатам охранно-спасательных работ 2012 г.) // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи. Сургут, 2013. С. 86–94.
32. *Плетнева С. А.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М. : Наука, 1989. 288 с.

33. Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. М. : Мосты культуры, 1999. 375 с.
34. Подосенова Ю. А. Височные украшения населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2009. 207 с.
35. Руденко К. А. Зернь и скань на болгарских ювелирных изделиях конца X – первой трети XIII вв. // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VI. Пермь : ПГПУ, 2009. С. 148–156.
36. Рябцева С. С. Перстни с полусферическими щитками и специфика престижного ювелирного убора X–XII вв. населения Восточной, 287 Центральной и Юго-Восточной Европы // Revista Arheologică. Chisinau. 2014. Vol. X. Pp. 143–167.
37. Савельева Э. А. Вымские могильники XI–XIV вв. Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1987. 200 с.
38. Савельева Э. А. Жигановский могильник. Сыктывкар : КНЦ УрО РАН, 2010. 456 с.
39. Седов В. В. Изборск в раннем средневековье. М. : Наука, 2007. 413 с.
40. Седова М. В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М. : Наука, 1981. 196 с.
41. Семенов В. А. Варнинский могильник // Новый памятник полоумской культуры. Ижевск : УдмНИИ, 1980. С. 5–135.
42. Сумина И. А. Металлические перстни средневекового Белозерья // Труды ГИМ. 1999. Вып. 111. С. 167–189.
43. Финно-угры и балты в эпоху средневековья / под ред. Б. А. Рыбакова // Археология СССР. Т. 17. М. : Наука, 1987. 510 с.
44. Чернышенко Д. Ю. Перстни "салтовского" типа в женском костюме (по материалам Тимерёвского могильника) // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып. 5. СПб., 2015. С. 222–226.
45. Revesz L. Zur absoluten Datierung frühungarischer Gräber // Das Frühungarische Reitergrab von Gnadendorf (Niederösterreich). Mainz. Pp. 189–210.

Rings typical of the medieval population of the Perm Cis-Urals

Morjakhina Kristina Viktorovna

PhD of Historical Sciences, assistant professor of Department of Russian and World History, Archeology,
Perm State Humanitarian Pedagogical University. Russia, Perm. ORCID: 0000-0002-7879-6526.
E-mail: kmoryaxina@mail.ru

Abstract. A number of rings were widespread in the Perm Cis-Urals, while some are found in single copies. Rings characteristic of the medieval population of the Perm Cis-Urals can be divided into three categories: ethnomarkers (rings with a button-shaped and rhombic shield, "cap" rings), widespread due to fashion (rings of the "Saltovsky" type, spiral) and those that appeared under the influence of neighboring territories (forged rings with an oval shield). They make up 59.7 % of the total mass of rings of the 5th–15th centuries. The popularity of a particular version of products reflects general trends in the development of local bronze casting and jewelry, as well as ethnocultural contacts of the population of the Perm Cis-Urals. For the 8th–10th centuries, solid cast rings made by casting using a wax model were characteristic. In the X–XI centuries silver rings with granulation and filigree decor were popular. In the 13th century, forged silver rings with engraved ornaments were popular. The latter came from the Perm Cis-Urals to neighboring territories – the Northern Cis-Urals and Trans-Urals. Complex jewelry techniques became widespread under the influence of Volga Bulgaria. In the Middle Ages, a fashion for certain types of rings periodically arose. Thus, in the Perm Cis-Urals at the end of the 8th – 10th centuries, rings of the "Saltovsky" type became widespread, and both imported and local products are found. The fashion came from the Saltovo-Mayatsky culture, where jewelry art was highly developed, and covered the territory from Eastern Europe to Western Siberia. In the 10th – 14th centuries, there was a fashion for spiral rings. Apparently, it came from the Finno-Ugric peoples of the Vetluzhka-Vyatka interfluve.

Keywords: rings, Middle Ages, Perm Urals, manufacturing technique, fashion, ethnic markers.

References

1. *Al'bom drevnostei mordovskogo naroda* [Album of antiquities of the Mordvin people] / ed. Yu. V. Got'e, A. I. Yakovlev. Saransk. Publishing House of the Mordovian Research Institute, 1941. 137 p.
2. Arkhipov G. A. *Mariitsy IX–XI vv. K voprosu o proiskhozhdenii naroda* [Mari people of the 9th–11th centuries. On the origin of the people]. Ioshkar-Ola. Mari Publishing House, 1973. 197 p.
3. Belavin A. M. *Kamskii trgovyi put': srednevekovoe Predural'e v ego ekonomicheskikh i etnokul'turnykh svyazyakh* [The Kama Trade Route: The Medieval Urals in its Economic and Ethnocultural Ties]. Perm'. PSPU, 2000. 200 p.
4. Belavin A. M., Krylasova N. B. *Drevnyaya Afkula: arkheologicheskii kompleks u p. Rozhdestvensk* [Ancient Afkula: an archaeological complex near the village of Rozhdestvensk]. Perm'. PF IIIiA UB RAS, 2008. 603 p.
5. Bryukhova N. G., Podosenova Yu. A. *Perstni "bulgarskogo" tipa iz materialov Plotnikovskogo mogil'nika rodanovskoi arkheologicheskoi kul'tury: tekhnika izgotovleniya* [Rings of the "Bulgar" type from the materials of the Plotnikovsky burial ground of the Rodanov archaeological culture: manufacturing technique] // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* – News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2015. Vol. 17. No. 33. Pp. 304–311.

6. Viktorova V. D. *Ugry v lesakh Urala (stranitsy rannei istorii mansi)* [Ugrians in the Ural Forests (Early History of the Mansi)]. Ekaterinburg, Institute of Archaeology and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 2008. 208 p.
7. Gening V. F. *Mydlan'-Shai udmurtskii mogil'nik VIII–IX vv.* [Mydlan-Shai is an Udmurt burial ground of the 8th–9th centuries] // *Voprosy arkheologii Urala – Issues of Ural archeology*. 1962. Is. 3. Pp. 7–132.
8. Goldina R. D. *Drevnyaya i srednevekovaya istoriya udmurtskogo naroda* [Ancient and medieval history of the Udmurt people]. Izhevsk. Udmurt University, 1999. 464 p.
9. Goldina R. D. *Nevolinskii mogil'nik VII–IX vv. v Permskom Predural'e* [Nevolinsky burial ground of the 7th–9th centuries in the Perm Cis-Urals] // *Materialy i issledovaniya Kamsko-Vyatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii – Materials and research of the Kama-Vyatka archaeological expedition*. Vol. 21. Izhevsk. 2012. 472 p.
10. Goldina R. D., Vodolago N. V. *Mogil'niki nevolinskoi kul'tury v Priural'e* [Burial grounds of the Nevolino culture in the Urals]. Irkutsk. Irkutsk State University Publishing House, 1990. 176 p.
11. Gopkalo O. K. *definiitsii ponyatii "yuvelirnyi stil'" i "moda" na primere chernyakhovskikh fibul i predmetov s vyemchatymi emalyami* [Towards a definition of the concepts of "jewelry style" and "fashion" using the example of Chernyakhov brooches and objects with champlevé enamels] // *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii – Brief reports from the Institute of Archaeology*. 2019. Is. 254. Pp. 191–211.
12. Goryunova E. I. *Etnicheskaya istoriya Volgo-Okskogo mezhdurech'ya* [Ethnic history of the Volga-Oka interfluvium] // *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR – Materials and research on the archeology of the USSR*. Is. 94. M. Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1961. 264 p.
13. Zakharov P. D. et al. *Krutik i Timerevo: arkheologicheskie issledovaniya 2011–2015 godov* [Krutik and Timerevo: archaeological research from 2011 to 2015] // *Vestnik Rossiiskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki – Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and Social Sciences*. 2016. No. 3–4. Pp. 169–181.
14. Ivanov A. G. *Kachkashurskii mogil'nik IX–XIII vv. v basseine r. Cheptsy* [Kachkashursky burial ground of the 9th–13th centuries in the Cheptsy River basin] // *Materialy po pogrebal'nomu obryadu udmurtov*. Izhevsk – Materials on the funeral rites of the Udmurts. 1990. Pp. 140–180.
15. Ivanov A. G. *Etnokul'turnye i ekonomicheskie svyazi naseleniya basseina r. Cheptsy v epokhu srednevekov'ya (konets V – pervaya polovina XIII v.)* [Ethnocultural and economic ties of the population of the Cheptsy River basin in the Middle Ages (late 5th – first half of the 13th century)]. Izhevsk. Udmurt Institute of History, Language and Literature, 1998. 309 p.
16. Ivanov V. A., Krylasova N. B. *Vzaimodeistvie lesa i stepi Uralo-Povolzh'ya v epokhu srednevekov'ya* [Interaction between forest and steppe in the Ural-Volga region in the Middle Ages]. Perm'. PF IIIiA UB RAS, 2006. 162 p.
17. Ivanova M. G. *Drevnee udmurtskoe gorodishche IX–XIII vv.* [Ancient Udmurt settlement of the 9th–13th centuries]. Izhevsk. Udmurt Institute of History, Language and Literature, 1998. 294 p.
18. Istomina T. V. *Kompleks pogrebeniya 37 Chezhtyagaskogo mogil'nika* [Burial complex 37 of the Chezhtyag burial ground] // *Problemy finno-ugorskoj arkheologii Urala i Povolzh'ya – Problems of Finno-Ugric archeology of the Urals and Volga region*. Syktyvkar, 1992. Pp. 127–135.
19. Kazakov E. P. *Kul'tura rannei Volzhskoi Bolgarii* [The culture of early Volga Bulgaria]. M. Nauka (Science), 1992. 335 p.
20. Kantemirov E. P., Dzattiaty R. G. *Tarskii katakombnyi mogil'nik VIII–IX vv. n. e.* [Tara catacomb burial ground, 8th–9th centuries AD] // *Alany: istoriya i kul'tura. Alanica III. Vladikavkaz – Alans: history and culture. Alanica II*. 1995. Pp. 259–314.
21. Krylasova N. B. *Istoriya Prikamskogo kostyuma* [History of the Kama costume]. Perm'. PSPU, 2001. 260 p.
22. Krylasova N. B. *Khronologicheskie osobennosti material'noi kul'tury X–XI vv. (po materialam Rozhdestvenskogo mogil'nika v Permskom krae)* [Chronological features of the material culture of the 10th–11th centuries (based on materials from the Rozhdestvensky burial ground in the Perm region)] // *Vestnik Permskogo universiteta – Bulletin of Perm University*. 2013. Is. 1. Pp. 104–115.
23. Krylasova N. B. *Masterskaya bulgarskogo remeslennika-mednika na Rozhdestvenskom gorodishche v Permskom krae* [The workshop of a Bulgar coppersmith at the Rozhdestvenskoye settlement in the Perm region] // *Arkheologiya Evraziiskikh stepei – Archaeology of the Eurasian Steppes*. 2021. No. 3. Pp. 169–185.
24. Krylasova N. B., Bryukhova N. G. *Plotnikovskii mogil'nik* [Plotnikovsky burial ground]. Perm'. Perm State Humanitarian University, 2017. 222 p.
25. Lesman Yu. M. *Ukrasheniya drevnikh novgorodok i drevnerusskaya erotika* [Jewelry of ancient Novgorod women and ancient Russian erotica] // *Chelo*. 1996. No. 2 (9). Pp. 3–4.
26. Mazhitov N. A. *Kurgany Yuzhnogo Urala VIII–XII vv.* [Kurgans of the Southern Urals, 8th–12th centuries]. M. Nauka (Science), 1981. 164 p.
27. Moryakhina K. V. *Ukrasheniya ruk v detskikh (do-vzroslykh) pogrebeniyakh Boyanovskogo mogil'nika* [Hand decorations in children's (pre-adult) burials at the Boyanovsky burial ground] // *Aktual'naya arkheologiya 2. Arkheologiya v sovremennom mire: v kontakte i kontekste – Contemporary Archaeology 2. Archaeology in the Modern World: in Contact and Context*. SPb. IIMK RAN, 2014. Pp. 40–43.
28. Moryakhina K. V. *Perstni-"kolpachki" s territorii Permskogo Predural'ya* [Rings-caps from the territory of the Perm Cis-Urals] // *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii – Works of the Kama Archaeological and Ethnographic Expedition*. 2015. Is. X. Pp. 163–167.

29. Moryakhina K. V. *Ukrasheniya ruk srednevekovogo naseleniya Permskogo Predural'ya: diss. ... kand. ist. nauk* [Hand decorations of the medieval population of the Perm Cis-Urals : diss. ... PhD of Historical Sciences]. Perm'. 2018. 764 p.
30. Moryakhina K. V., Sarapulov A. N. *Bulgarskie perstni s chern'yu na pamyatnikakh Permskogo Predural'ya* [Bulgar rings with niello on monuments of the Permian Urals] // *Vestnik Muzeya arkheologii i etnografii Permskogo Predural'ya* – Bulletin of the Museum of Archeology and Ethnography of the Perm Cis-Urals. 2017. Is. VII. Pp. 52–56.
31. Murygin A. M., Usolkina M. A. *Kheibidya-Pedarskoe zhertvennoe mesto – novye dannye (po rezul'tatam okhranno-spasatel'nykh rabot 2012 g.)* [Heybidya-Pedar sacrificial site – new data (based on the results of rescue operations in 2012)] // *Arkheologiya Severa Rossii: ot epokhi zheleza do Rossiiskoi imperii* – Archaeology of Northern Russia: from the Iron Age to the Russian Empire. Surgut. 2013. Pp. 86–94.
32. Pletneva P. A. *Na slavyano-khazar'skom pogranich'e. Dmitrievskii arkheologicheskii kompleks* [On the Slavic-Khazar border. Dmitrievsky archaeological complex]. M. Nauka (Science), 1989. 288 p.
33. Pletneva P. A. *Ocherki khazar'skoi arkheologii* [Essays on Khazar Archaeology]. M. Bridges of Culture, 1999. 375 p.
34. Podosenova Yu. A. *Visochnye ukrasheniya naseleniya Permskogo Predural'ya v epokhu srednevekov'ya : diss. ... kand. ist. nauk* [Temple decorations of the population of the Perm Cis-Urals in the Middle Ages : diss. ... PhD of Historical Sciences]. Kazan'. 2009. 207 p.
35. Rudenko K. A. *Zern' i skan' na bulgarskikh yuvelirnykh izdeliyakh kontsa X – pervoi treti XIII vv.* [Granulation and filigree on Bulgarian jewelry from the end of the 10th – first third of the 13th centuries] // *Trudy Kamskoi arkheologo etnograficheskoi ekspeditsii* – Works of the Kama Archaeological and Ethnographic Expedition. Is. VI. Perm'. PSPU, 2009. Pp. 148–156.
36. Ryabtseva P. P. *Perstni s polusfericheskimi shchitkami i spetsifika prestizhnogo yuvelirnogo ubora X–XII vv. naseleniya Vostochnoi, Tsentral'noi i Yugo-Vostochnoi Evropy* [Rings with hemispherical shields and the specifics of the prestigious jewelry of the X–XII centuries. the population of Eastern, Central and Southeastern Europe] // *Revista Arheologică. Chisinau*. 2014. Vol. X. Pp. 143–167.
37. Savel'eva E. A. *Vymskie mogil'niki XI–XIV vv.* [Vym burial grounds of the 11th–14th centuries]. L. Publishing House of Leningrad University, 1987. 200 p.
38. Savel'eva E. A. *Zhiganovskii mogil'nik* [Zhiganovsky burial ground]. Syktyvkar. KSC UB RAS, 2010. 456 p.
39. Sedov V. V. *Izborsk v rannem srednevekov'e* [Izborsk in the early Middle Ages]. M. Nauka (Science), 2007. 413 p.
40. Sedova M. V. *Yuvelirnye izdeliya Drevnego Novgoroda (X–XV vv.)* [Jewelry of Ancient Novgorod (10th–15th centuries)]. M. Nauka (Science), 1981. 196 p.
41. Semenov V. A. *Varninskii mogil'nik* [Varna burial ground] // *Novyi pamyatnik polomskoi kul'tury – A new monument of Polomian culture*. Izhevsk. UdmNII, 1980. Pp. 5–135.
42. Sumina I. A. *Metallicheskie perstni srednevekovogo Belozerye* [Metal rings of medieval Belozerye] // *Trudy GIM – Works of the State Historical Museum*. 1999. Is. 111. Pp. 167–189.
43. *Finno-ugry i balty v epokhu srednevekov'ya* [Finno-Ugrians and Balts in the Middle Ages] // *Arkheologiya SSSR – Archaeology of the USSR*. Vol. 17. M. M. Nauka (Science), 1987. 510 p.
44. Chernyshenko D. Yu. *Perstni "saltovskogo" tipa v zhenskom kostyume (po materialam Timerevskogo mogil'nika)* [Rings of the "Saltovsky" type in a woman's costume (based on materials from the Timeryovsky burial ground)] // *Ladoga i Ladozhskaya zemlya v epokhu srednevekov'ya – Ladoga and the Ladoga land in the Middle Ages*. Is. 5. SPb. 2015. Pp. 222–226.
45. Revesz L. *Zur absoluten Datierung frühungarischer Gräber* // *Das Frühungarische Reitergrab von Gnadendorf (Niederösterreich)*. Mainz. Pp. 189–210.

Поступила в редакцию: 22.01.2025

Принята к публикации: 05.05.2025